

В. К. ЩЕРБИН,
КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС И ПРОЦЕСС РАЦИОНАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается роль и место научно-образовательного дискурса в процессах совершенствования сферы управления. Анализируются взаимосвязи между научно-образовательным и управленческим дискурсами. Обосновывается вывод о необходимости активизации на постсоветском пространстве процессов изучения и использования возможностей научно-образовательного дискурса в целях рационализации ключевых областей управленческой деятельности.

Ключевые слова: дискурс; теории дискурса; дискурсивная практика; управленческий дискурс; научный дискурс; образовательный дискурс.

The role and place of the scientific-educational discourse in the processes of improving the management sphere is considered in the article. The interrelations between scientific-educational discourse and managerial discourse are given analysis to. The conclusion about the necessity to intensify the processes of study and use of scientific-educational discourse possibilities to rationalize the key branches of managerial activities on the post-soviet area is made.

Key words: discourse; theories of discourse; discourse practice; managerial discourse; scientific discourse; educational discourse.

В развитых странах мира современное общество все чаще называют обществом знаний¹, а систему хозяйственных отношений, сложившихся в таком обществе, — экономикой знаний². Более того, накопленное к настоящему времени разнотипное знание нередко рассматривается в качестве основного средства реализации властных полномочий: «Если на межсубъектном уровне силовое воздействие еще может быть эффективно, то в условиях глобализации, когда информация способна распространяться практически мгновенно и охватывать огромное количество индивидов, основным средством власти является знание, формируемое путем включения субъектов, социальных групп и институтов в исторически обусловленные гетерогенные дискурсивные практики»³.

При этом сами эти «гетерогенные дискурсивные практики» определяются исследователями весьма отличающимся образом. К примеру, А. Н. Барановым «под **дискурсивной практикой** понимаются тенденции в использовании близких по функции, альтернативных средств выражения определенного смысла. Эти тенденции, естественно, находят отражение в частоте употребления соответствующих феноменов фонетического, морфологического, синтаксического и семантического уровня»⁴. В свою очередь, Н. М. Мухарямов и Л. М. Мухарямова дают более широкое определение дискурсивным практикам: «...в одних случаях под дискурсивными практиками понимаются высказывания лидера. В других — тематический блок (безопасность или справедливость) безотносительно к субъекту или социально-политической среде. В третьем варианте — политический язык, присущий обществу с тем или иным политическим устройством»⁵. Существуют и иные определения разных типов дискурсивных (социальных) практик⁶.

Вместе с тем большинство исследователей дискурсивных практик сходятся в главном: совокупность таких практик составляет основу политического (и шире — управленческого) дискурса⁷. Именно данный тип дискурса является центральным в длинном ряду различных типов дискурса (делового, медийного, научного, образовательного, производственного и др.), конфигурация которых во многом зависит от существующего управленческого дискурса. Данный вывод Т. А. ван Дейк обосновывает следующим образом: «Политический дискурс, в отличие от большинства прочих дискурсивных форм, имеет отношение ко всем гражданам»⁸, а следовательно, носит более глобальный и универсальный характер. Поскольку в ранее опубликованных работах⁹ нам уже доводилось анализировать существующие определения управленческого дискурса, его концептуальную структуру и связи с другими типами дискурсов, то в данной статье будут рассматриваться реальные и потенциальные возможности влияния научно-образовательного дискурса на процесс рационализации ключевых сфер (дискурсивных практик) управленческой

деятельности. Иными словами, целью статьи является обоснование гипотезы о том, что не только управленческий, властный дискурс может влиять на другие типы дискурсов, но и эти менее значимые типы дискурсов могут оказывать определенное влияние на данный центральный тип дискурса.

В частности, первую часть данной гипотезы Т. А. ван Дейк раскрывает следующим образом: «Традиционно определяя контроль, имеют в виду контроль над действиями других... Если при этом используются коммуникативные действия, то есть дискурс, мы имеем дело с более частным видом контроля – контролем над дискурсом других людей, что является одним из наиболее очевидных способов взаимосвязи дискурса и власти: люди не могут свободно говорить или писать когда, где, кому, что и как захотят, и они при этом частично или полностью контролируются властными группами, такими как государство, полиция, массмедиа или бизнес-корпорации, заинтересованными в подавлении свободы (обычно критических) текстов и речи... Те, кто контролируют дискурс, могут косвенно контролировать сознание людей. А поскольку действия людей управляются их сознанием (знаниями, отношениями, идеологией, нормами, ценностями), контроль над сознанием означает также косвенный контроль над действиями. Контролируемое действие может снова оказаться дискурсивным, так что властный дискурс может косвенно влиять на другие дискурсы в интересах тех, у кого есть власть»¹⁰.

Что же касается другой части выдвигаемой гипотезы (о потенциальной возможности менее значимых типов дискурса влиять на управленческий или властный дискурс), то здесь доказательная база гораздо беднее. Даже если значительно расширить перечень властных структур и допустить, что «к властным группам следует отнести правительство, парламенты, государственные организации, полицию, военных, большие бизнес-корпорации, а также представителей некоторых профессий, например врачей и профессоров, или же такие социальные роли, как родители»¹¹, то и тогда не совсем понятно, каким образом врачи, профессора, родители, учителя, представители других социальных групп могут влиять на «изменение сознания» граждан, а посредством последних и на расширение своего доступа к властному дискурсу. С одной стороны, «мы знаем, что учителя и учебники влияют на сознание студентов, и мы вряд ли станем отрицать, что мы ожидаем от них такого влияния, если мы хотим, чтобы наши дети чему-нибудь *научились*»¹². С другой стороны, «достаточно сложно отличить обучение, помогающее студентам в их настоящей и будущей жизни, от идеологического внушения властных групп или организаций и, соответственно, предупреждения развития у студентов критического потенциала»¹³. Безусловно, справедливо пишет по этому поводу Т. А. ван Дейк: «...мы только начинаем формировать знание о том, как индивиды понимают дискурс, но еще меньше мы знаем о том, как такое понимание приводит к различным «изменениям сознания» – это касается обучения, убеждения, манипуляции и внушения»¹⁴.

Чтобы расширить доказательную базу в пользу рассматриваемой гипотезы, необходимо проанализировать, каким образом имеющийся доступ к публичному дискурсу реализуется врачами, профессорами, учителями и иными нетрадиционными носителями властных полномочий для решения существующих проблем в ключевых областях управленческой деятельности. К числу последних, на наш взгляд, можно отнести следующие области: 1) целеполагания; 2) социально-экономического планирования и прогнозирования; 3) формирования государственной идеологии и 4) осуществления политической коммуникации. Причем, как будет показано далее, успешная рационализация каждой из этих областей с необходимостью предполагает использование понятия «управленческий дискурс» и существующих теорий дискурса, а также близкое знакомство с различными видами дискурсивных практик, объединяемых термином *политический дискурс*.

В частности, что касается понятия «управленческий дискурс», то, помимо тех определений данного понятия, которые уже рассматривались нами в ранее опубликованных работах¹⁵, хотелось бы обратить внимание читателей на высказывание С. А. Шилиной о том, что «управленческий дискурс – это методология взаимодействия субъектных отношений, подтверждающих социальные критерии: стратификацию, идентификацию, сформированность имиджа и критического дискурс-анализа»¹⁶. На наш взгляд, данное высказывание позволяет понять, чем именно, т. е. использованием единой дискурсивной методологии в различных сферах

жизни общества, объясняется тесное взаимодействие в реальной политической практике различных типов дискурса (управленческого, медийного, делового, научного, образовательного, производственного и др.), а также постоянно протекающее рекрутирование представителей различных менее значимых типов дискурса для работы в сфере управленческой деятельности.

Подобной миграции специалистов из различных сфер деятельности в управленческую сферу во многом способствует наличие у этих специалистов особого доступа к публичному дискурсу, т. е. обладание ими символической властью: «Многие формы современной власти должны быть истолкованы как *символическая* власть, то есть в терминах *особого доступа к публичному дискурсу (или контролю над ним)*... Контроль над публичным дискурсом – это контроль над сознанием аудитории, а значит, косвенно, над тем, что желает или делает аудитория. Тому, кто может убеждать, соблазнять, внушать или манипулировать людьми, не нужно применять силу. В этом отношении сегодняшние символические элиты – политики, журналисты, учителя, адвокаты, чиновники и все, кто имеет особый доступ к публичному дискурсу, или бизнес-менеджеры, которые косвенно управляют этим доступом (например, в качестве владельцев массмедийных империй), – все они являются теми, кого следует называть властными группами, поскольку они отвечают этому критерию»¹⁷.

С приведенной выше точкой зрения западного исследователя на состав и природу символических элит во многом солидарны и отечественные ученые: «Современные элиты не осуществляют политику гегемонии с помощью прямого принуждения. Напротив, прямая конфронтация во многом означает неспособность элит формировать такие системы знаний, которые исключают возможность «звучания» критических и несогласных мнений. Более того, само понятие «элита» означает сегодня уже не только и не столько политические группы, которые, с одной стороны, по определению имеют доступ к инструментам административного принуждения, а с другой – представляются вполне ощутимым объектом критики и оппозиции. Элитные сообщества сегодня – это самые разнообразные социальные группы, выполняющие функцию общественной экспертизы и контроля: врачи, преподаватели, юристы, чиновники, журналисты, бизнес-консультанты»¹⁸.

При этом достаточно однозначно определились и те общественные сферы-доноры (наука, образование, производство), за счет которых происходит кадровое пополнение управленческой сферы. По свидетельству Б. А. Малицкого, «сегодня в органах государственной власти Украины сосредоточено в 1,5 раза больше кандидатов наук, чем в исследовательском секторе»¹⁹. По числу занятых сфера управления Украины «сейчас уже в десять раз превышает нынешнюю численность исследователей, количество которых за 20 лет сократилось в три раза»²⁰. Если отмеченные выше тенденции будут иметь свое продолжение и в дальнейшем, то со временем управленческая сфера в странах СНГ поглотит всех наиболее трудоспособных и адаптивных работников из сферы науки и образования. Однако этого может и не случиться, если научные организации и вузы указанных стран будут оказывать всяческое содействие процессам совершенствования и рационализации ключевых областей управленческой деятельности.

В свою очередь, если говорить о существующих теориях дискурса, то, на наш взгляд, наиболее лаконичную и вместе с тем исчерпывающую классификацию данных теорий создал И. Т. Касавин: «В XX столетии возникают многочисленные теории дискурса, которые в основном относятся к двум направлениям. Во-первых, это немецкая школа, которая, опираясь на Канта и англо-американские теории языковых актов, формулировала этические принципы дискурса в рамках теории коммуникативного действия. Во-вторых, речь идет о французской школе дискурс-анализа, которая объединяет критику рациональности Ницше и Хайдеггера с постмодернистски понятым неоструктурализмом и отождествляет дискурс с феноменом власти»²¹.

Каким же образом перечисленные выше теории дискурса и такой не самый значимый тип дискурса, как научно-образовательный дискурс, могут способствовать процессам совершенствования и рационализации ключевых областей управленческой деятельности? Рассмотрение возможных ответов на данный вопрос начнем с такой области управленческой деятельности, как **целеполагание**, поскольку постановка и анализ стратегических целей является ключевым звеном в сфере

стратегического менеджмента. По свидетельству Г. Г. Почепцова, «... анализ самих целей должен выявить, были ли они правильными или нет. Могла ли экономика поддержать такие цели? Поставили ли лидеры страны цели, которые соответствовали национальным интересам?»²². В частности, анализ современной российской практики управления позволил С. А. Батчикову сделать следующий вывод: для повышения эффективности российского стратегического менеджмента «необходимо устранить методологический дефект управления, введенный в практику еще правительством Гайдара, – отказ от явного определения главных критериев, в которых формулируется программа и контролируется ее выполнение. Самые элементарные из них – цели, ограничения, переменные, параметры, индикаторы и критерии. Правительство Гайдара нарушало эти нормы дерзко, но инерция такого подхода не изжита и ныне. Продолжая следовать этому подходу, Россия не сможет обрести эффективное управление и обеспечить высокое качество принимаемых решений. Необходимо восстановить и модернизировать весь арсенал инструментов, которые были испорчены или ликвидированы в 1990-е годы»²³.

В свою очередь, наблюдения В. К. Лукашевича за белорусской практикой управления способствовали формированию заключения о том, что «фундаментальное значение для рационализации целеполагания имели и по настоящее время имеют ограничительные регулятивы: своего рода табу (запреты, моратории, предубеждения). В своем генезисе это результаты рефлексивного осмысления всеми средствами общественного сознания существующего уклада жизни и его духовных (мировоззренческих) оснований, которые далее приобретают отчетливо выраженный нормативный характер»²⁴. Иными словами, при постановке общественных целей необходимо учитывать многочисленные требования нормативного характера (экономические, экологические, социальные, технологические, морально-этические, бытовые и пр.). Как правило, такого рода нормативные требования формулируются в ходе реализации различных видов дискурса (политического, научного, художественного, религиозного, морального, бытового и прочих), поскольку «основной целью дискурса является не что иное, как координация деятельности людей в обществе»²⁵.

В средние века нормативные требования для сферы целеполагания нарабатывали в основном религиозный, мифологический, художественный, морально-этический, бытовой и тому подобные виды дискурса, идейную основу которых составляла «...вера в догматы, предрассудки и некритическое (традиционное) принятие системы общих предписаний, оставляющих для действующего человека диапазон довольно широкого субъективного выбора, квалифицируемого чаще всего в нравственно-этическом ключе – между жизнью и смертью, добром и злом, ленью и трудолюбием, унынием и умеренным оптимизмом и т. д.»²⁶. Сегодня в сфере целеполагания доминируют совсем иные виды дискурса: «В отличие от архаических табу современные ограничительные регулятивы опираются не на мифические и полумифические мировоззренческие представления, а на систему предметных научных знаний. Наиболее показательны в этом отношении ситуации в сфере энергетики, химических производств и нанотехнологий»²⁷.

Систематизация предметных научных знаний, как известно, осуществляется посредством формирования разнообразных научных теорий. Однако, по справедливому замечанию А. И. Швыркова, «...теория не может оказывать влияние на реальность непосредственно. Она действует только посредством дискурса. Создав теорию, ее создатель еще не “запустил” соответствующий дискурс. Пока теория не попала в социально-политическую реальность, она, можно сказать, лежит мертвым грузом. Становится же дискурсом она только тогда, когда идеи данной теории в той или иной форме начинают рассматриваться и использоваться с целью коррекции реальности. Более конкретно, теория становится дискурсом тогда, когда к ней начинают систематически апеллировать в политических дискуссиях, обосновывать с ее помощью те или иные конкретные преобразования политических и прочих институтов и т. д.»²⁸.

Кто же способствует «перетеканию» научных теорий в политический дискурс? По мнению А. И. Швыркова, «...чаще всего связь между теорией и политическим дискурсом опосредована как минимум еще одним звеном, еще одним видом дискурса – научным. Действительно, политики обычно начинают использовать идеи, изложенные в той или иной теории лишь после того, как теория прошла «обкатку» в научной среде, в научных дискуссиях. Эти дискуссии могут происходить в разных

формах – собственно дискуссиях, на страницах научной печати и т. д. Более того, между «попаданием» теории в научную среду и началом ее использования в среде политической может пройти довольно много времени»²⁹.

На наш взгляд, помимо научного дискурса, любая научная теория, прежде чем она попадет в политический дискурс, проходит в обязательном порядке еще и фазу образовательного дискурса. Необходимость апробации научной теории в рамках последнего объясняется тем, что настоящие ученые практически не занимаются политической деятельностью и их контакты с политической средой предельно ограничены. Но если созданные учеными научные теории озвучиваются в учебной аудитории вуза, в стенах которого готовятся будущие профессиональные менеджеры, то вероятность ее появления в политической среде резко возрастает: «Очевидно, что попадание теории в политический дискурс становится возможным только тогда, когда появляется группа людей, более-менее хорошо знакомая с теорией и систематически использующая ее в политической борьбе. Эти люди могут искренне верить в данную теорию, могут просто использовать ее как “информационное прикрытие” и т. п. Однако в любом случае – верят они или нет – “перетекание” теории в дискурс происходит»³⁰.

С учетом идей и нормативных требований, заложенных в тех или иных научных теориях, осуществляется не только постановка наиболее значимых для общества целей. С опорой на научные идеи и требования реализуются и процессы **социально-экономического планирования и прогнозирования** в стране. При этом для нормального научного обеспечения указанных процессов важны не столько нормативные требования (негативные регулятивы), сколько «позитивные предметные знания, а также умение рефлексивно анализировать возможные тренды и последствия их практического применения в русле многогранной жизнедеятельности социума. Это в свою очередь связано с осмыслением усилий по преобразованию имеющейся реальности и созданию новых объектов, без чего его (социума) существование, по меньшей мере в условиях техногенной цивилизации, невозможно»³¹.

Осмысление обществом потребности в новых объектах обычно протекает в рамках политического, делового, научного, образовательного и иных видов дискурса. Конечные результаты такого дискурсивного осмысления оформляются в виде «...социального заказа науке на нововведения в сфере искусственной реальности, отвечающей потребностям социума. ...В этом контексте актуализируется весь круг проблем, связанных с функцией искусственного воспроизведения реальности как одной из ключевых в современной науке. Сложность, масштабы и степень риска в процессах искусственного воспроизведения реальности в настоящее время столь высоки, что без основательного сопровождения данных процессов прогнозным осмыслением их просто опасно осуществлять. В настоящее время это выполняется в русле разработки форсайт-технологий...»³².

В основе указанных технологий (и это принципиально отличает их от других методов прогнозирования) лежит дискурсивный подход. В частности, академик РАН А. А. Дынкин в своем определении форсайта сознательно подчеркивает эту его особенность: «Форсайт – это процесс, это не результат, это не блестящий, выдающийся прогноз. Цель форсайта – принятие наиболее грамотных решений сегодня, в процессе предвидения и продвижения к будущему. Кто бы мог участвовать в этом процессе в России? Чтобы форсайт был эффективен, целесообразно участие в этом процессе следующих актеров: исполнительная власть всех уровней, законодательная власть всех уровней, бизнес во всех его проявлениях, будь то крупные корпорации, будь то организации малого и среднего бизнеса, научные, экспертные сообщества, гражданское общество, средства массовой информации»³³. Таким образом, форсайт выступает в качестве средства согласования в процессе взаимодействия самых разных видов дискурса (политического, делового, научного, социального, медийного и др.). Форсайт можно отнести к числу прогностических методов, но «...это такой инструмент прогнозирования, который строится на консенсусе разных категорий граждан, причем у них по каким-то вопросам могут быть диаметрально противоположные позиции. Но в рамках форсайта при обсуждении тех или иных проектов они достигают некоего согласия»³⁴.

Не менее востребован развиваемый учеными дискурсивный подход и в рамках такой области управленческой деятельности, как **формирование государственной**

идеологии. Как показывает современная политическая практика, невозможно сформировать национальную идеологию без предварительного научного изучения идеологического дискурса, существующего на макро- и микроуровне. На глобальном уровне или макроуровне под идеологическим дискурсом понимается взаимодействие крупных идеологических течений или метаидеологий (консерватизм, либерализм, марксизм и др.), сосуществующих в политическом пространстве страны, мирового региона и т. д.³⁵ На микросоциальном уровне идеологический дискурс определяется как совокупность идеологических высказываний, которые «...держатся, *центрируются* вокруг интереса генерирующего их субъекта»³⁶.

При этом изучение макро- или метаидеологий невозможно без опоры на исторические тексты и идеологические высказывания отдельных политических акторов: «Идеология – это способ репрезентации прошлого опыта на основе исторических текстов (текстов, относящихся к прошлому, написанных в прошлом). ...Сначала идеология возникает, будучи отвлеченной из исторических документов, ...как результат осмысления с определенных теоретических позиций определенной совокупности исторических документов (теорий, манифестов, статей и т. п.). После того, как идеология таким образом возникает, политические акторы (или иные субъекты, например ученые, эксперты и т. п.) могут “маркировать” некоторые свои или чужие *идеологические высказывания* той или иной идеологической меткой (например, утверждая, что некоторое высказывание – это “коммунизм”). И таким образом идеология проникает в дискурс»³⁷.

В свою очередь, изучение идеологического дискурса на микросоциальном уровне ограничивается рассмотрением идеологических высказываний политических акторов: «Идеологические высказывания – это, очевидно, всегда дискурс. Вероятно, и любой дискурс (политический, разумеется) – это всегда идеологические высказывания»³⁸. Сравните аналогичный вывод, сделанный Т. А. ван Дейком: «Не вызывает сомнения то, что большинство наших идеологий созданы с помощью дискурсов»³⁹. При этом, как показывает политическая практика, «политические элиты могут производить только идеологические высказывания, но никак не идеологии»⁴⁰. Формирование последних становится возможным только после выявления учеными соответствующих исторических констант идеологического характера. Совокупность таких исторических констант, после их выявления и детального изучения, и составляет основу государственной идеологии, под которой понимают «глубоко структурированную, охватывающую большинство важнейших сфер жизни общества систему представлений, энергично продвигаемую той или иной группой с той или иной целью. Такой целью может быть захват власти, поддержание собственной гегемонии, переустройство общества и/или государства и т. п.»⁴¹.

Таким образом, формирование государственной идеологии становится результатом научного описания сложного диалектического взаимодействия дискурсивных явлений, существующих на макро- и микроуровнях: «Так, дискурс является феноменом микросоциального уровня. Феноменом макросоциального уровня является идеология, которая, в свою очередь, как коллективная репрезентация действительности воспроизводится в дискурсе (на микросоциальном уровне)»⁴².

Наконец, весьма значимую роль дискурсивные подходы ученых и преподавателей, а также репрезентирующие эти подходы соответствующие дискурсивные практики играют также в процессах **политической коммуникации**. По мнению В. И. Гостениной, основу целевой коммуникационной системы демократизации общества составляют традиционные (печатные документы) и инновационные каналы взаимодействия (дискурс, интернет, блоги и социальные сети)⁴³. При этом «понятие дискурса оказывается знаковым для социально-политического исследования, которое ориентировано не столько четкой методологией, сколько актуальной общественной проблематикой»⁴⁴. По мнению И. Т. Касавина, в области политической коммуникации «дискурс возникает лишь тогда, когда обычно не подвергаемые сомнению основания языка, действия и мышления подвергаются проблематизации. Он предполагает спор об основаниях. При этом участники стремятся снять конфликт путем обоснования собственной позиции. Однако это должно быть не просто обыденное обоснование в контексте частной ситуации, но обоснование, значимое для острых социальных конфликтов и широкой общественности. Недостаточно привести просто основания своей позиции: это

должны быть основания наилучшие из возможных. В этом смысле дискурс выступает как процесс взыскательной аргументации»⁴⁵.

Высокий уровень аргументированности политического дискурса достигается, когда в его основу кладутся разработанные учеными научные теории. Несмотря на то что порой эти теории не соответствуют быстро меняющейся политической реальности, они тем не менее используются для формирования политического дискурса. По мнению А. И. Швыркова, «это в значительной мере обусловлено *техническими* факторами, например тем, что политики должны “говорить с народом”. Политический же дискурс должен быть *достаточно хорошо структурирован*. Сделать его таковым можно, только если апеллировать к непротиворечивой, более-менее стройной теории»⁴⁶. В качестве одной из наиболее удачных можно назвать «Теорию коммуникативного действия» (1981) немецкого философа Ю. Хабермаса. В этом фундаментальном труде детально описана предложенная им модель дискурсивного разума.

В настоящее время процесс структурирования политического дискурса идет двумя путями: 1) в составе политического дискурса выделяется все большее количество структурных составляющих (президентский дискурс, оппозиционный дискурс, дискурс политических партий и движений, дискурс выборов и референдумов и т. д.) и связанных с ними политических дискурсов (дискурс власти, контрдискурсии, публичная риторика⁴⁷); 2) детально описываются связанные с тем или иным типом политического дискурса дискурсивные практики и жанры. В частности, в рамках президентского дискурса России сегодня наиболее изученным является жанр посланий Федеральному собранию⁴⁸.

Все приведенные выше примеры теоретического и практического (словарно-справочного) обеспечения потребностей политических акторов в структурировании политического дискурса являются лучшим подтверждением того, что «обеспечить возможность такой структуризации могут только интеллектуалы, которые поставляют теории, на которых и основывается такой структурированный дискурс. Все сказанное, очевидно, справедливо для политических коммуникаций. Эта сфера даже более требовательна к качеству дискурса, чем, например, сфера повседневного общения. В этой сфере, как правило, допустим только *хорошо структурированный дискурс* (особенно, если речь идет о публичной политике). А такой дискурс может быть основан только на *хорошо структурированных теориях*... Таким образом, мы имеем по крайней мере одну из причин заимствования теорий, создаваемых интеллектуалами»⁴⁹.

Результаты проведенного нами исследования позволяют сделать вывод о том, что более активное использование существующих возможностей научно-образовательного дискурса и связанных с ним дискурсивных практик позволит научным организациям и вузам стран СНГ внести достойный вклад в протекающие на постсоветском пространстве процессы совершенствования и рационализации ключевых областей управленческой деятельности (целеполагания, социально-экономического планирования и прогнозирования, формирования государственной идеологии и осуществления политической коммуникации). В пользу обоснованности данного вывода можно привести следующие аргументы: 1) Т. А. ван Дейк убежден в том, что успешное изучение и решение существующих социальных проблем возможно только «в контексте триангуляции “дискурс – познание – общество”. Ни одно из этих измерений не может быть понято без другого»⁵⁰; 2) самого тесного взаимодействия властных и научно-образовательных структур требует решение не только социальных, но и чисто экономических проблем. В частности, «умная экономика предполагает рационализацию государственно-управленческой деятельности в экономической сфере. Средством ее достижения является решение задачи создания устойчивого коммуникативного взаимодействия представителей властных органов и науки»⁵¹.

Таким образом, жизненной необходимостью для постсоветских стран является не банальное переманивание кадров из научно-образовательной сферы в сферу управления путем установления более высокой зарплаты для управленческого персонала, а настойчивая и последовательная гармонизация взаимоотношений участников управленческого, научного и образовательного дискурсов в процессе совместного решения ими ключевых (социальных, экономических, познавательных и пр.) проблем современного общества. Если мы действительно стремимся сфор-

мировать общество знаний с развитой экономикой знаний, то всегда должны помнить о том, что под обществом знаний в развитых странах мира обычно понимается общество, в котором преодолено различие дискурсов науки, технологии, культуры и социума. Это такая новая социальная реальность, которая обладает следующими характеристиками: рост значения фундаментальной науки в качестве непосредственной производительной силы, возрастание роли знания как основания индивидуальных и коллективных действий, появление политической экономии знания, повышение статуса экспертов и экспертных групп и т. п.⁵²

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ Клейнер Г. Б. Становление общества знаний в России: социально-экономические аспекты // *Обществ. науки и современность*. 2005. № 3. С. 68 ; Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний : пер. с нем. М., 2010. С. 134.
- ² Щербин В. К. Когнитивный капитализм или государственная экономика знаний? (социальные последствия цивилизационного выбора) // *Социология*. 2010. № 1. С. 16–33.
- ³ Переверзев Е., Кожемякин Е. От переводчиков // ван Дейк Т. А. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации* : пер. с англ. М., 2013. С. 8.
- ⁴ Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. М., 2001. С. 246.
- ⁵ Мухарямов Н. М., Мухарямова Л. М. Политическая лингвистика как научная дисциплина // *Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования* : сб. науч. тр. / отв. ред. и сост. В. И. Герасимов, М. В. Ильин. М., 2002. С. 51.
- ⁶ См.: Фэрклоу Н. *Диалектика дискурса // Современный дискурс-анализ: Методология: Концептуальные обоснования*. 2009. Вып. 1. Т. 1. С. 118–119.
- ⁷ Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. М., 2001. С. 245 ; Мухарямов Н. М., Мухарямова Л. М. Политическая лингвистика как научная дисциплина // *Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования* : сб. науч. тр. / отв. ред. и сост. В. И. Герасимов, М. В. Ильин. М., 2002. С. 51.
- ⁸ Дейк Т. А. Ван. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации* : пер. с англ. М., 2013. С. 74.
- ⁹ Щербин В. К. Социальные концепты в структуре управленческого дискурса // *Социология*. 2013. № 4. С. 54–64 ; Щербин В. К. Социальные концепты управленческого дискурса: проблемы выявления и классификации // *Проблемы и реалии управленческого дискурса в целевых коммуникационных системах транзитивного общества (коллективная монография с участием зарубежных ученых)*. Брянск, 2013. С. 254–303.
- ¹⁰ Дейк Т. А. Ван. *Указ. соч.* С. 27.
- ¹¹ Там же. С. 30.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 29.
- ¹⁵ См.: Щербин В. К. Социальные концепты в структуре управленческого дискурса // *Социология*. 2013. № 4. С. 54–64 ; Щербин В. К. Социальные концепты управленческого дискурса: проблемы выявления и классификации // *Проблемы и реалии управленческого дискурса в целевых коммуникационных системах транзитивного общества (коллективная монография с участием зарубежных ученых)*. Брянск, 2013. С. 254–303.
- ¹⁶ Шилина С. А. *Управленческий дискурс как технология коммуникации в системе отношений государства и общества // Проблемы и реалии управленческого дискурса в целевых коммуникационных системах транзитивного общества (коллективная монография с участием зарубежных ученых)*. Брянск, 2013. С. 229.
- ¹⁷ Дейк Т. А. Ван. *Указ. соч.* С. 32.
- ¹⁸ Переверзев Е., Кожемякин Е. От переводчиков // ван Дейк Т. А. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации* : пер. с англ. М., 2013. С. 8–9.
- ¹⁹ Малицкий Б. А. *Социальный капитал науки: оценка и пути наращивания*. Киев, 2013. С. 58.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Касавин И. Т. *Дискурс // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы* / под ред. И. Т. Касавина. М., 2010. С. 79.
- ²² Почепцов Г. Г. *Стратегия: Инструментарий по управлению будущим* : 2-е изд. М., 2009. С. 30.
- ²³ Батчиков С. А., Митяев Д. А. *За флажки, жажда жизни сильнее! О динамике саморазрушения мировой финансовой системы (сценарии и стратегии). Возможности адаптации и выбор стратегии для России* : сценарно-игровой доклад. М., 2009. С. 15.

Знать, чтобы предвидеть...

- ²⁴ Лукашевич В. К. Рациональный базис науки: потенциал праксеологического выбора // Веснік Белар. дзярж. эканам. ун-та. 2014. № 1. С. 101.
- ²⁵ Касавин И. Т. Дискурс // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М., 2010. С. 90.
- ²⁶ Лукашевич В. К. Указ. соч. С. 104.
- ²⁷ Там же. С. 102.
- ²⁸ Швырков А. И. Теории, дискурс и политическая реальность // Проблемы и реалии управленческого дискурса в целевых коммуникационных системах транзитивного общества (коллективная монография с участием зарубежных ученых). Брянск, 2013. С. 185–186.
- ²⁹ Там же. С. 186.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Лукашевич В. К. Указ. соч. С. 102.
- ³² Там же. С. 102–103.
- ³³ Дынкин А. А. Перспективы форсайта в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stra.teg.ru/library/global/Prognoz/foresight/14>. (дата обращения: 19.09.2006). С. 2.
- ³⁴ Афанаскин Ю., Третьяк В. Это модное слово «форсайт» // Эксперт-Сибирь. 2006. № 34. С. 18.
- ³⁵ См.: Сирота Н. М. Идеологии и идеологические течения: классическое наследие и современность: учеб. пособие. СПб., 2009. С. 16–19.
- ³⁶ Швырков А. И. Указ. соч. С. 188.
- ³⁷ Там же. С. 189–192.
- ³⁸ Там же. С. 191.
- ³⁹ Дейк Т. А. Ван. Указ. соч. С. 41.
- ⁴⁰ Швырков А. И. Указ. соч. С. 191.
- ⁴¹ Там же. С. 188.
- ⁴² Моисеенко А. А. Идеологический дискурс: подходы к определению концепта // Дискурсология: методология, теория, практика: доклады 4-й Международной научно-практической конференции (Россия – Мексика, ноябрь – декабрь 2009 г.). Челябинск, 2010. С. 508.
- ⁴³ См.: Гостенина В. И. Теоретические подходы и опыт эмпирических исследований определения целевой коммуникационной системы в транзитивных процессах общественного развития // Проблемы и реалии управленческого дискурса в целевых коммуникационных системах транзитивного общества (коллективная монография с участием зарубежных ученых). Брянск, 2013. С. 7.
- ⁴⁴ Касавин И. Т. Указ. соч. С. 83.
- ⁴⁵ Там же. С. 82.
- ⁴⁶ Швырков А. И. Указ. соч. С. 195.
- ⁴⁷ См.: Ухванова-Шмыгова И. Ф. Дискурсные методики в социологическом исследовании: учеб.-метод. комплекс. Минск, 2003. С. 45.
- ⁴⁸ См.: Словарь текущей политики. Навигатор по Посланиям Президента РФ 2004–2005 гг. М., 2005.
- ⁴⁹ Швырков А. И. Указ. соч. С. 208.
- ⁵⁰ Дейк Т. А. Ван. Указ. соч. С. 34.
- ⁵¹ Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Идеология экономической политики: проблема российского выбора. М., 2008. С. 266.
- ⁵² См.: Ster N. Knowledge Societies. London, 1994. P. 10; Колпаков В. А. Общество знания. Опыт философско-методологического анализа // Вопр. философии. 2008. № 4. С. 27.

Поступила в редакцию 28.08.2014.